

УДК 101.1

DOI: 10.34670/AR.2026.16.58.005

Феноменологическая установка: контакт и первый взгляд**Мелихов Герман Владимирович**

Доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры социальной философии,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 35;
e-mail: german.melikhov@kpfu.ru

Терещенко Наталья Анатольевна

Доктор философских наук, профессор,
доцент кафедры социальной философии,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 35;
e-mail: tereshenko_tata@mail.ru

Шатунова Татьяна Михайловна

Доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры социальной философии,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 35;
e-mail: shatunovat@mail.ru

Аннотация

В статье предлагается рассматривать феноменологию не столько как историческое направление, сколько как установку философствования — практику внимания, ориентированную на «контакт с вещами» и сопротивление подмене вещи готовыми представлениями. Исходным пунктом служит анализ современной ситуации медиа и техники, где «готовые» и «удобные» объяснения, подкрепленные данными и визуализациями, ускоряют согласие и сокращают пространство для мысли. Показано, что проблема состоит не в противопоставлении науки и опыта, а в том, как готовые смыслы захватывают восприятие и задают направление действия прежде, чем становится видным само дело. Для прояснения феноменологического импульса привлекаются идеи Макса Шелера о непосредственном переживаемом контакте с миром и тезисы Владимира Бибикина о значении «первого взгляда». «Первое впечатление» трактуется не как психологическая спонтанность и не как гарант истины, а как методическое приостановление поспешной интерпретации, позволяющее вернуть последующую работу мышления к данности. В заключение подчеркивается риск философии как возможность выхода из автоматизма речи и восстановления ответственности перед тем, что дано в опыте.

Для цитирования в научных исследованиях

Мелихов Г.В., Терещенко Н.А., Шатунова Т.М. Феноменологическая установка: контакт и первый взгляд // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2026. Том 15. № 1А. С. 56-63. DOI: 10.34670/AR.2026.16.58.005

Ключевые слова

Феноменология как установка, контакт, представление, внимание, М. Шелер, В. Бибихин, первый взгляд, данность, философствование.

Введение

Хотелось бы обратить внимание на одну особенность философии, которая, на наш взгляд, актуальна сегодня. Речь пойдет о возможностях философии, в которую имплицирован феноменологический взгляд на вещи.

И уже здесь кто-то имеет полное право спросить: о какой актуальности идет речь, если феноменология как философское направление давно сошла на нет? На слуху совсем другие подходы: когнитивные науки, аналитическая философия, объектно-ориентированная онтология, марксизм и др. Все верно – но ведь о философии можно говорить не только как о направлении и не только как об академической дисциплине, изучаемой в университетах. Нас интересует феноменология не как «школа» (с ее историей, терминологией и корпусом текстов), а как установка: определенное направление взгляда, имманентное философствованию как таковому. Эта позиция разделялась, например, Мерабом Мамардашвили [Мамардашвили, 1990, 100].

Важно сразу же уточнить используемую терминологию. «Представление» – это не просто «ошибка» или «иллюзия», а прежде всего готовый смысл, который слишком быстро занимает место самой вещи; это интерпретация, уже организованная нашими страхами, желаниями, интересами, привычными схемами. «Вещь» – не обязательно внешний материальный предмет: это то, с чем мы действительно имеем дело в опыте; то, что дано и что в некотором смысле превосходит наше первое объяснение (сопротивляется ему, не исчерпывается им). И, наконец, «контакт» – не мистический акт, а событие внимания, в котором мы пытаемся удержать то, что открывается, не заслоняя его торопливым и преждевременным говорением.

Феноменологическая установка не сводится к лозунгу «возвращения к самим вещам» [Гуссерль, 2024, 20], будто можно просто отбросить язык, теории и культурные формы и увидеть «чистую реальность». Скорее речь идет о методическом смещении акцента: не устранить интерпретацию (она неизбежна), а сделать ее предметом внимания – выявить, как именно смысл складывается в опыте и где именно он преждевременно фиксируется как само собой разумеющийся. В этом ракурсе феноменологический импульс ближе к дисциплине описания и различения, чем к еще одной «теории мира», конкурирующей с другими концепциями.

Феноменология тематизирует такие стороны философствования, которые могут проявляться и в объектно-ориентированной онтологии Грэма Хармана [Харман, 2015, 30], и у Людвиг Витгенштейна [Витгенштейн, 1994, 127], в ряде других подходов постольку, поскольку в них выражается поиск контакта с самими вещами, а не с нашими представлениями, мнениями и личными суждениями о них. В этом смысле феноменологический импульс может быть шире феноменологии как «направления». О чем, собственно, идет речь?

Техника, медиа и захват «готовым смыслом»

Послушаем выступление ученого – одно из ряда схожих. Опираясь на цифры и наглядные схемы работы мозга, нам убедительно показывают, что вступившая в силу техника, помноженная на работу медиа – социальных сетей и видеохостингов, – разрушает синаптические связи в определенных отделах мозга, ответственных за мышление. Торопливая речь оратора (нужно уложиться в заданный регламент), встроенная в ряд быстро меняющихся картинок презентации, не оставляет шанса задуматься – и мы соглашаемся: похоже, именно так все и устроено.

Но стоит остановиться и оглядеться, на миг оторвав взгляд от завораживающей картинки, нас может настигнуть другая мысль: слишком уж все складно. Не имеем ли мы и здесь дело всего лишь с еще одним *представлением* – с мнением, которое мы обнаружили в себе, решая поставленную перед нами задачу? Мы что, уже «все поняли» про наступившую эру? Нам окончательно ясен смысл техники, породившейся с медиа? Или мы говорим от имени охватившего нас страха перед наступающим будущим? Возможно, именно страх (или, напротив, насущный интерес) и формирует то, что выдается за понимание.

Важно подчеркнуть: речь не идет о противопоставлении «цифрового мира» и «жизни», науки и опыта, как если бы феноменология претендовала на замену эмпирического исследования. Напротив, феноменологическая критика направлена на то, *как* результаты исследования входят в наш опыт и превращаются в «готовую картину», расхожее объяснение, способные подменить собой вопрос. Даже корректные данные могут работать как риторический механизм: они задают темп согласия и закрывают пространство для того, чтобы *вещь* (то есть сама ситуация нашего существования в технике и медиа) еще была увидена как проблема, а не как уже решенная задача с заранее известным выводом.

Получается, такая сложная вещь, как настоящее время, смысл сегодняшней ситуации, нам, возможно, еще не ясен, но *представление* о том, «что происходит», у нас уже есть. Вот *это* нас беспокоит, значит, надо бить в набат. Свое беспокойство или свои частные интересы мы выдаем за суть дела. Мы идем куда-то, и направление движения заранее задано – тем, что в беспокойстве охватывает нас сейчас. Мы не успели открыть рот, а страх или настойчивое желание уже говорят от нашего имени; они проявляют себя и в действиях, и в словах – первых, приходящих в голову.

Возникает вопрос: можем ли мы сами увидеть, что все, что мы говорим, – лишь представления, в которые спроецированы наши страхи и желания, но не сами вещи? И если можем, то как именно? Каким образом философия удерживает вещь, удерживает опыт от того, чтобы он был немедленно «проговорен» и закреплен в слове, идее?

Можно спросить: мы всегда имеем дело с представлениями? Вот воспоминание о значимом человеке, связанное с конкретной ситуацией. В этом воспоминании мы имеем дело только с представлением? Почему – не *с самим* человеком? Сейчас, в этом воспоминании, он присутствует в нас порой даже живее, чем тогда, хотя бы потому что только теперь смысл произошедшего, влияние этого человека на нас или что-то еще, стал понятен. Иначе говоря, феноменологически «данность» может включать то, что не сводится к наличному физическому присутствию и объективированной форме. Почему же мы так легко убеждаем себя, будто представление – единственное, с чем мы имеем дело и в себе, и в других людях, и в мире?

Здесь важно не впасть в романтическую метафизику «присутствия», но и не сузить опыт до репрезентативной картинке в сознании. Феноменологически данность может включать то, что не сводится к наличному физическому присутствию: смысл события, который раскрывается позже и по-настоящему «трогает», не оставляет равнодушным; внутреннюю связь, которая

«догоняет» нас спустя время, позволяя осознать ее значение; ответственность, которую мы вдруг обнаруживаем. Именно поэтому тезис «мы всегда имеем дело только с представлениями» кажется слишком грубым: он заранее решает то, что должно быть описано.

Почему же мы так легко убеждаем себя, будто представление — единственное, с чем мы имеем дело в себе, в других людях, в мире? И почему, напротив, иногда мы столь уверены, что «схватили саму вещь»? Вероятно, потому что и то и другое может быть формой самоуспокоения: либо мы закрываем вопрос, называя все «представлениями», либо закрываем его, объявляя свою интерпретацию «самой вещью».

Философия как событие внимания

Итак, мы что-то делаем, куда-то идем, подчиняясь существующим правилам. Движение задается нашими представлениями: определенными настроениями, чувствами, идеями, нормами, которые выступают рамками восприятия. Мы смотрим на мир через эти рамки и потому двигаемся в эту, а не в иную сторону: здесь «должно быть» устроено вот так, а там — иначе. Задуматься о том, почему для нас «должно» быть именно так, с чего мы это взяли, откуда это «должно» вообще берется, — особого желания, да и времени, нет. А между тем именно в этом «должно» нередко и живет подмена: готовая схема занимает место вещи.

И все же мы знаем, что не обречены на самозамкнутость. Иногда и мы способны быть чуткими к самим вещам, к саморазворачиванию смысла. В этом и состоит работа философии — в пристальном внимании к вещам, а не к тому, что о них уже сказано или подумано. Сами вещи могут скрываться за ладно скроенными, хорошо «обоснованными» представлениями. Философия, видимо, претендует на слишком многое: ей хочется оказаться «распахнутым окном», за которым просматривается возможность встречи, открывается шанс вступить в контакт с вещами, а не с их представлениями, заранее задающими верное направление мысли.

Философия в этом случае разворачивается не на уровне академических институций — с их иерархиями ученых степеней, званий и должностей, — и не на уровне концепций и содержаний, транслируемых в учебных заведениях программ, а на уровне обращенного во взгляд внимания, в котором выражается контакт: живое взаимодействие с тем, что ты обсуждаешь.

Ведь может быть и так: у тебя все есть, ты всем обеспечен, прекрасно разбираешься в социальной структуре, знаешь, кто сидит справа и слева от цезаря; ты хорошо подкован, многое можешь рассказать из философии и из других областей знания, но в нужный момент сказать тебе нечего, кроме обычных в таких случаях общих фраз, всем известных и никому не нужных. Хотя и внешне красивых. Почему так? Видимо, потому что рождается что-то из живой связи с вещами, а не из уже заданных идей и представлений. Можно владеть «материалом», не будучи в контакте; можно быть наполненным сведениями и одновременно пустым в отношении того, что требует мысль здесь и сейчас.

Именно такое понимание философии имели в виду Владимир Библихин и Макс Шелер. Ограничимся по отношению к ним немногим, но важным с нашей точки зрения. Начнем с Шелера, немецкого мыслителя, поскольку он вводит в философию идею контакта.

М. Шелер: феноменологический контакт и философия говорения

В работе «Феноменология и теория познания» (1913–1914) мы находим, например, такую мысль: *«Первое, чем должна отличаться основанная на феноменологии философия, — это живейший, интенсивнейший и непосредственнейший, происходящий в переживании контакт с*

самим миром — т.е. с теми вещами, с которыми в том или ином случае имеют дело» [Шелер, 1994, 199].

Прежде чем взять в руки книгу, полезно оглядеться, обратив внимание на то, чем ты захвачен в настоящий момент. Чего мы боимся? Чего настойчиво хотим? Философ обсуждает вещи, в которые включены мы все. Мы уже находимся в мире и испытываем его воздействие на себе. И потому в работе всматривания в свой, происходящий в переживании, контакт с окружающим миром важно приостановить в себе желание воспользоваться *первым пришедшим в голову* смыслом: ведь в нем могут выражаться наши проекции, страхи и желания, а не сама вещь — то, что действительно происходит с нами.

Отсюда у Шелера: *«Феноменологическая философия поистине полная противоположность всякой излишне поспешной философии говорения. Здесь меньше говорят, больше молчат и больше видят – видят и те миры, которые, возможно, вообще невыразимы» [Шелер, 1994, 213].*

Всякая философия выражает скрытые страхи и желания; у нее всегда есть шанс скатиться до уровня их проговаривания. Иногда и это необходимо, – хотя бы для того, чтобы распознать то, что руководит нами. Но философия хочет идти дальше: она ищет контакта с вещами, предоставляя им возможность вырвать нас из потока речи и напоминая, что в этом потоке тонут сами вещи – их имена становятся именами наших желаний.

Именно здесь и возникает проблема. Философия, содержащая в себе феноменологический импульс, ищет первой встречи с вещами, то есть со смыслом, открывающимся в живом, непосредственном взаимодействии. Но каковы гарантии того, что не произойдет подмена? Как убедиться, что мы говорим от имени самой вещи, а не от имени очередного представления – давно созревшей, готовой мысли, заключающей в себе скрытое желание, ведь многое используется нами неосознанно? Если «контакт» – это событие внимания, то как отличить внимание от самовнушения?

В. Бибихин: доверие «первому взгляду»

Возможный ответ на этот вопрос мы найдем у Владимира Бибихина. В курсе лекций «Энергия» (1990–1991) он говорит: *«Вещи, которые есть дела, которые всегда заранее уже нас задействовали, важно не заслонить, не заговорить» [Бибихин, 2010, 16].*

Вещи суть дела. Вещь – это то, с чем мы имеем дело, и само это «иметь дело» уже задано определенным делом: нам что-то нужно, мы чего-то хотим, мы вовлечены. «Дело» предполагает работу, отсылает к действиям. Как же обращаться с вещами – действовать с ними – так, чтобы не заслонять их собой?

«Один из способов иметь дело с самой вещью, – говорит Бибихин, – не упустить первого впечатления, “первого приближения”, первого взгляда – того первого взгляда, когда и мы взглянули на вещь, и вещь взглянула на нас: встреча с лицом вещи, пока мы еще ничего не успели с ней сделать, не успели манипулировать ею, не начали “обработку” впечатлений, данных, восприятий. Эта последующая работа обязательно начнется, но она должна быть работой над тем, что не нами устроено или подстроено, над первым явлением вещи. Существо феноменологии – в доверии к этому первому лицу вещей, к тому, что открывается внезапно, что нас... уже захватило врасплох, до того, как мы сообразим» [Бибихин, 2010, 16-17].

Однако «первый взгляд» легко неправильно понять – как психологизм или как доверие спонтанной реакции. В академически строгом смысле он скорее играет роль редукции в минимальном, практическом варианте: временного приостановления привычного «я уже знаю,

что это такое», чтобы различить слои опыта: данность, аффективную окраску, предвосхищения, языковые клише, социально усвоенные интерпретации. Поэтому доверие первому явлению вещи не означает признание его непогрешимым; оно означает требование, чтобы последующая интерпретация была ответственна перед тем, *что* и *как* дано, и могла быть возвращена к этой данности как к критерию проверки, а не только к согласованности с уже имеющейся схемой.

Фундаментальнейший способ нашего существования – первый взгляд: доверие первому явлению вещи, внезапному, еще не затронутому «соображениями». Это и есть контакт, живое дело. Но важно понять: речь не о том, чтобы абсолютизировать «первое впечатление» как критерий истины, – речь о том, чтобы задержаться в моменте данности, дать вещи явиться, прежде чем начнется неизбежная работа интерпретации. Эта работа обязательно последует; вопрос лишь в том, будет ли она работой над тем, что действительно *дано*, или работой по подгонке данности под заранее подготовленную схему.

Внезапность сродни искренности – случайной открытости лицам: людей или вещей. Другими словами, вырваться из плена захвативших нас представлений можно лишь доверившись первому впечатлению – тому, что застаёт врасплох, когда любая вещь воспринимается как дар. Речь идет о достаточно тонких вещах. Вот мы столкнулись с чем-то, что лишает дара речи – настолько это поразительно. Предполагается, мы еще способны чему-то удивляться. Более того, от нас требуется и сила заглянуть в открывшуюся возможность – откликнуться на то, что не укладывается в наши представления.

Не требуют ли от нас слишком много? Оказаться в «первом взгляде» на вещи – тяжкий труд, хотя он и вершится как бы сам собой. Да, но до того, как «первый взгляд» случится, с нами уже многое должно произойти: мы должны многому научиться, пройти хорошую школу мысли. Без этой школы «первый взгляд» легко спутать с импульсом, привычкой, аффектом. Однако и школа мысли может стать школой самоослепления, если она окончательно заменит вещь понятием, а контакт – уверенным говорением.

Выводы: риск философствования

Не стоит ли нам попробовать взглянуть на философию иначе – доверяя тому, что застаёт врасплох? Рискованно? Да. Но в этом риске содержится не только возможность сорваться и упасть. В нем есть шанс, что нас вырвет из автоматизма смысла, вернет к делу, в котором вещь еще не заслонена нами самими, и позволит различить: где мы действительно видим, а где лишь узнаем знакомое.

Бибихин в одной из своих статей приводит слова Франсуа Федье, философа, искусствоведа и переводчика: «Люди часто похожи в своем отношении к философии на механика, который получил в подарок самолет или планер, но не знает и не может догадаться, что устройство способно летать. Умелец научился обращаться с ним и неким образом мастерски пользуется, но именно как сухопутной машиной» [Бибихин, 2022, 62].

В этой метафоре, как нам кажется, схвачено главное. Мы умеем обращаться с философией как с набором инструментов для «сухопутных» задач: классифицировать, пересказывать, спорить по поводам, занимать позиции. И одновременно можем не догадываться о том, что философствование позволяет «летать» – выводить нас к контакту с вещью, к событию смысла, которое не производится нами по заказу, но тем не менее требует от нас дисциплины: приостановки поспешного говорения, выдержки первого взгляда и ответственности перед тем, что дано. Именно это и делает феноменологическую установку не «устаревшей школой», а возможностью философии как таковой – возможностью, использовать которую, пожалуй, стоит рискнуть.

Библиография

1. Бибихин В.В. Энергия. Москва: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. 488 с.
2. Бибихин В.В. Сила мысли // В.В. Бибихин. Хайдеггер: сборник статей. Москва: Директ-Медиа, 2022. С. 49-62.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования // Л. Витгенштейн. Философские работы. Часть I. / пер с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеевой. Москва: Гнозис, 1994. С. 75-319.
4. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. I. Исследования по феноменологии и теории познания / пер. с нем. В.И. Молчанова. Москва: Академический проект, 2024. 660 с.
5. Мамардашвили М. Феноменология — сопутствующий момент всякой философии // М. Мамардашвили. Как я понимаю философию. Москва: Прогресс, 1990. С. 100-106.
6. Харман Г. Четвероякий объект. Метафизика вещей после Хайдеггера / пер. с англ. А. Морозов и О. Мышкин. Пермь: Гиле Пресс, 2015. 152 с.
7. Шелер М. Феноменология и теория познания // М. Шелер. Избранные произведения / пер. с нем. А.В. Денежкина, А.Н. Малинькина, А.Ф. Филипова. Москва: Гнозис, 1994. С. 195-258.

The Phenomenological Attitude: Contact and the First Glance

German V. Melikhov

Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of Social Philosophy,
Kazan (Volga Region) Federal University,
420008, 35, Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: german.melikhov@kpfu.ru

Natal'ya A. Tereshchenko

Doctor of Philosophy, Professor,
Associate Professor of the Department of Social Philosophy,
Kazan (Volga Region) Federal University,
420008, 35, Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: tereshchenko_tata@mail.ru

Tat'yana M. Shatunova

Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of Social Philosophy,
Kazan (Volga Region) Federal University,
420008, 35, Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: shatunovat@mail.ru

Abstract

The article proposes to consider phenomenology not so much as a historical direction, but as an attitude of philosophizing — a practice of attention oriented towards "contact with things" and resistance to the substitution of the thing with ready-made representations. The starting point is an analysis of the contemporary situation of media and technology, where "ready-made" and "convenient" explanations, supported by data and visualizations, accelerate agreement and reduce

the space for thought. It is shown that the problem lies not in the opposition of science and experience, but in how ready-made meanings capture perception and set the direction of action before the matter itself becomes visible. To clarify the phenomenological impulse, the ideas of Max Scheler on the directly experienced contact with the world and the theses of Vladimir Bibikhin on the significance of the "first glance" are drawn upon. The "first impression" is interpreted not as psychological spontaneity nor as a guarantor of truth, but as a methodical suspension of hasty interpretation, allowing the subsequent work of thought to return to givenness. In conclusion, the risk of philosophy is emphasized as the possibility of exiting the automatism of speech and restoring responsibility towards that which is given in experience.

For citation

Melikhov G.V., Tereshchenko N.A., Shatunova T.M. (2026) Fenomenologicheskaya ustanovka: kontakt i pervyy vzglyad [The Phenomenological Attitude: Contact and the First Glance]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 15 (1A), pp. 56-63. DOI: 10.34670/AR.2026.16.58.005

Keywords

Phenomenology as attitude, contact, representation, attention, M. Scheler, V. Bibikhin, first glance, givenness, philosophizing.

References

1. Bibikhin, V. V. (2010). Energiya [Energy]. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy.
2. Bibikhin, V. V. (2022). Sila mysli [The Power of Thought]. In V. V. Bibikhin, Khaydegger: sbornik statey [Heidegger: A Collection of Articles] (pp. 49-62). Moscow: Direkt-Media.
3. Harman, G. (2015). Chetveroyakiy ob"ekt. Metafizika veshchey posle Khaydeggera [The Fourfold Object: The Metaphysics of Things after Heidegger] (A. Morozov & O. Myshkin, Trans.). Perm: Gile Press.
4. Husserl, E. (2024). Logicheskie issledovaniya. T. II. Ch. I. Issledovaniya po fenomenologii i teorii poznaniya [Logical Investigations. Vol. II. Part I. Studies in Phenomenology and Theory of Knowledge] (V. I. Molchanov, Trans.). Moscow: Akademicheskii proekt.
5. Mamardashvili, M. (1990). Fenomenologiya — soputstvuyushchiy moment vsyakoy filosofii [Phenomenology is an accompanying aspect of any philosophy]. In M. Mamardashvili, Kak ya ponimayu filosofiyu [How I understand philosophy] (pp. 100-106). Moscow: Progress.
6. Scheler, M. (1994). Fenomenologiya i teoriya poznaniya [Phenomenology and Theory of Knowledge]. In M. Scheler, Izbrannye proizvedeniya [Selected Works] (A. V. Denezhkin, A. N. Malinkin, & A. F. Filippov, Trans.; pp. 195-258). Moscow: Gnozis.
7. Wittgenstein, L. (1994). Filosofskie issledovaniya [Philosophical Investigations]. In L. Wittgenstein, Filosofskie raboty. Chast' I [Philosophical Works. Part I] (M. S. Kozlova & Yu. A. Aseeva, Trans.; pp. 75-319). Moscow: Gnozis.